

КАК Я С НИМ ПОЗНАКОМИЛАСЬ

На одном из заседаний Волгоградского фонда культуры Василий Иванович Супрун попросил поздравить с юбилеем писателя Кулькина. В библиотеке ВолГУ мне дали сборники стихов, рассказов и трилогию «Смертный грех». Стихотворения сразу же взволновали своей пронзительной искренностью: в них слышалась народная песня... Вспомнилось довоенное детство. Нет, не Днепровские кручи, не «вѣтер гнѣ тополѹ до самого долу». В стихах Кулькина все было иное, и тополь был воином, солдатом... Захотелось побывать в той степи, которую так проникновенно нарисовал художник. Захотелось познакомиться с Елизаветой Ивановной, женщиной, которой посвящались стихи.

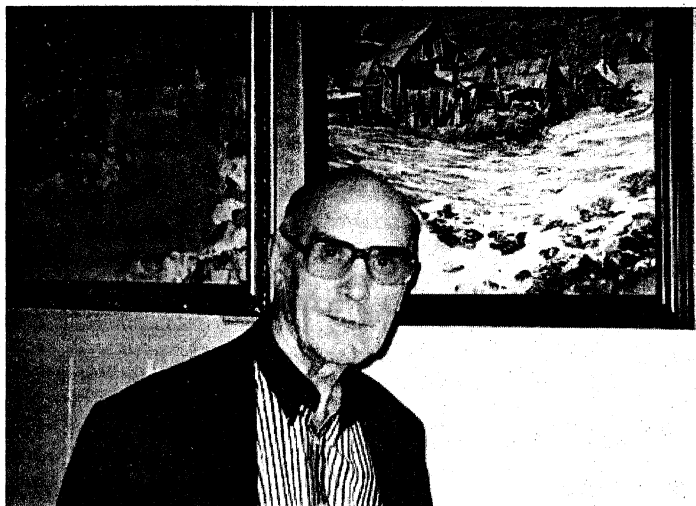
Настоящим потрясением для меня стало знакомство с прозой Евгения Александровича. Читая повесть «Сапун-гора», я уже твердо знала, что передо мной — живая невыдуманная жизнь, что так о человеке, вернувшемся с фронта, о духовной силе и благородстве искалеченного войной мужчины мало кто может написать. Комок в горле не проходил... Перечитала письма покойного мужа. Именно пережитое заговорило со страниц книг Кулькина.

Большой интерес вызвал рассказ «Дуга с колокольчиком». Даже не верилось, что можно на семнадцати страницах показать трагизм рассказывания, утраты вековых традиций сложного и трепетного единства казака и его коня как символа самобытности, душевной красоты, вечности и чистоты. Тут звучал настоящий общенародный русский язык. Не только тщательно отобранный, нормированный литературный язык, воспетый Ломоносовым, Пушкиным, Тургеневым. Не только... В этом рассказе звучали яркие, выразительные слова народной речи казаков, к которой обращались и Гоголь, и Пушкин, и Толстой. Говоря об этом на краеведческих чтениях, я привела лишь один пример: в рассказе «Дуга с колокольчиком» Евгений Кулькин использует десятки глаголов в значении речевой деятельности. И все они понятны читателю.

Но ведь нет ни бранных слов, ни искроверканных чужестранных, ни стилизованных пустышек. Каждое слово на своем месте, и смысл его весьма значителен!

Талант всегда от Бога

17 мая волгоградскому писателю Евгению Кулькину исполняется 75 лет

ПЛЕНИТЕЛЬНЫЙ СЛОГ МАСТЕРА

Долгие годы живя в самых разных городах и хуторах нашей области, работая журналистом в районных газетах, писатель собирал материалы о жизни своих земляков, пытался осмыслить нравственные уроки исторического развития различных общественных слоев Нижнего Поволжья. Творчество Е. Кулькина свидетельствует о том, что писатель стал связующим звеном между прошлым и будущим, являясь хранителем слова, его казачьей «самовитости». Произведения насыщены красочным бытовым колоритом, знанием обычаев и психологии казачества.

Характеризуя бывшего войскового старшину Голубова, автор приводит чье-то высказывание, которое казак когда-то услышал: «Вьюгу, дождь или еще непогоду какую можно пересидеть в тихом волготном месте. Но как пересидеть там целую жизнь?» И он начинает действовать. Здесь дается описание старых обычаев: «По казачьей традиции тот, кто нагайку (брошенную к ногам стариков) поднимет, уже больше не помнит зла и, как правило, не только проща-

ет, но и прилюдно целует своего обидчика или даже врага. Ежели тот, кому была брошена нагайка, ее переступил, значит, ничто не забыто и обида продолжает есть душу. Эту нагайку никто не поднял и никто не переступил. Она лежала как змея, которой только что отдавили голову, то есть не вселяя ни страха, ни уважения» («Прощенный век»).

Евгений Кулькин — мастер живописать словом: он насыщает словесной неповторимостью ткань произведения, исследуя и воплощая в художественных образах жизнь и поступки своих героев.

Сами герои Е. Кулькина с великим почитанием относятся к родному слову:

— Я (Ерасов) очень люблю исконный русский язык. В нем растворены не только чувства, но и сама природа, краски ее, запахи, музыка.

И, словно почерпнув со дна своего суждения ту суть, которая взволнует Седова, продолжил:

— А казачий язык особый потому, что он — походный, связанный с моментальностью команд и с длинной, уходящей в песню думой о том извечном, что преследует всякого человека, ринувшегося в путь... Вас, казаков, спасла песня («Прощенный век»).

И действительно, в романах Е. Кулькина в казачьей песне, как в

зеркале, отражена душа народа: «Песня у них шла слитно — в два голоса. И столько было в той песне этакое душевное пространство, какой-то широкой безоглядностью, словно после нее разом исчезнет все то, что творит грусть и тоску, и пойдет простираться по земле сплошной праздник» («Прощенный век»).

Писатель выражает уверенность в том, что казачья песня способна пробудить в человеке чувство единения со своим народом, ощутить неразрывную связь с его вековыми традициями, осознать то, что было упущено когда-то: Ситникову в эмиграции «стало обидно, что там, на Дону, он не ценил всего того, что было и простиралось рядом: тех же Усть-Медведицких пирамид, с которых в свое время в Прощенный день сошел странник, возвестивший о судьбе казачества, Дон, в стремя которого, как в лицо родного человека, хочется смотреть бесконечно...» («Прощенный век»).

Творчество писателя — предмет коллективного исследования

Сначала преподаватели ВолГУ, а затем и студенты обратились к богатейшему языковому материалу произведений Евгения Александровича. Во время диалектологических экспедиций в районы, станицы, хутора нашей области обычно фиксируется речь местных жителей по тематическим вопросам. В этих экспедициях постепенно осваивались слова и словоформы, употребляемые в произведениях Кулькина. Эксперимент позволил обобщить толкования отдельных слов самими носителями русских народных говоров.

Лексический состав произведений писателя широк, многообразен и представляет несомненный научный интерес. Эта особенность творчества Е. Кулькина позволила Научно-исследовательскому институту истории русского языка ВолГУ обратиться к изучению во многом уникального способа воссоздания предметов быта и явлений, которые автор умеет показывать так, что они обретают достоверность и глубокий смысл. Именно поэтому коллектив НИИ истории русского языка ВолГУ с 2000 года проводит исследования, получившие гранты Рос-

сийского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) при поддержке Волгоградской областной администрации. Итогом этих научных проектов стал Прямой и Обратный словник по первому роману трилогии «Прощенный век» («Крушение»), который включает 44362 словоформы. Словник позволяет использовать систематизированный материал для широкого сопоставления с данными различных исторических и современных словарей русского литературного языка и его диалектов; проследить историю не только отдельных слов, но и их объединений, например, развития различных терминосистем. Возможность разностороннего использования материалов Прямого и Обратного словника делает более доступным для читателей, исследователей и любителей русского слова текст первого романа трилогии «Прощенный век».

Когда речь идет о таком самобытном, большом писателе, как Евгений Кулькин, то мы имеем в виду, что в его индивидуальном художественном творчестве изобразительным средством является весь общенародный язык, все его разновидности, все варианты, все пласты русской лексики, все словесное богатство, описание которого возможно в нескольких монографиях.

В произведениях Евгения Кулькина художественно осмыслены и образно запечатлены нравственные уроки исторического развития различных слоев общества Нижнего Поволжья. Несмотря на интерес писателя к историческому прошлому русского народа, его книги очень современны: над каким бы материалом ни работал Е. Кулькин, он постоянно возвращается к раздумьям о человеческой душе.

А годы летят, и вот уже нашему талантливому земляку исполняется 75 лет...

Желаю вам, дорогой Евгений Александрович, еще многое осуществить: описать то, что вами выстрадано, понято, обдуманно; передать свое осмысление мира; воспеть человека-труженика, его любовь к родному краю.